

В. И. АБАЕВ

К ВОПРОСУ О ПРАРОДИНЕ И ДРЕВНЕЙШИХ МИГРАЦИЯХ ИНДОИРАНСКИХ НАРОДОВ

В излагаемых ниже гипотезах о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов мы сознательно опирались исключительно на лингвистические данные. Это не значит, разумеется, что мы умаляем значение археологических и исторических свидетельств. Но мы считаем, что конфронтация полученных лингвистических выводов, с одной стороны, и историко-археологических, с другой, должна быть особенно поучительна. Если между первыми и вторыми выявятся непреодолимые противоречия, это будет означать, что либо лингвистические, либо археологические данные неточно интерпретированы, или они вообще недостаточны для решения вопроса. Если же выводы языковеда окажутся близкими к независимо полученным выводам археолога и историка, это будет добрым знаменем: значит мы приблизились к истине.

Из относящихся к нашей теме лингвистических материалов мы выделяем следующие:

I. Индоиранские элементы в угро-финских языках.

II. Индоиранский гидроним *Rasā* (ведийское *Rasā*, авестийское *Rañhā*) уже давно идентифицированный с названием Волги *Rā* у Птолемея.

III. Индоиранские (арийские) языковые свидетельства из Передней Азии середины II тыс. до н. э.

IV. Иранская топонимика и ономастика Передней Азии X–VIII вв. до н. э.

V. Европейские элементы в иранских языках сако-афгано-припамирской группы. Европейские элементы в осетинском.

I. В угро-финских языках уже давно выделен слой индоиранской лексики¹.

Эти не вызывающие ни малейшего сомнения лексические связи между угро-финскими и индоиранскими (арийскими) языками были и остаются важнейшим, можно сказать, решающим аргументом в пользу вос-

точноевропейской прародины индоиранских народов. Часть их по фонетическим и иным признакам приходится возводить еще к общеарийскому периоду (периоду до разделения арийцев на индийскую и иранскую ветвь). Часть могла быть усвоена из «протоиндийского», т. е. из того арийского диалекта, который со временем послужил базой для языка Риг-веды и для санскрита. Часть заимствована, по всей видимости, из общеиранского. Часть, наконец, усвоена в более поздние времена, из скифо-сарматских наречий. Вывод, который с необходимостью вытекает из рассмотрения этого материала, можно сформулировать словами Г. Якобсона: «Die Beziehungen zwischen Ariern und den finnisch-ugrischen Stämmen erstrecken sich über einen unendlich langen Zeitraum, vom Urarischen bis tief in die historischen Perioden hinein»².

Отличить иранские заимствования от заимствований из общеарийского в большинстве случаев нетрудно. Одним из опознавательных признаков служит отражение в угро-финском арийского (и индоевропейского) *s*. В общеарийском и протоиндийском он удерживался, в иранском (кроме некоторых позиций) переходил в *h*. В угро-финских выделяется группа заимствованных имен в исходе *-s*. Это *-s* отражает форму именительного падежа основ на *-a-* в арийском, и, стало быть, соответствующие слова могли быть заимствованы только из общеарийского (или протоиндийского), но никак не из иранского, где *s* переходил в *h*³.

мордов. (мокша) *ravas* «бог», «счастье» – др.-инд. *bhāgas* (именит. падеж) «удел», «счастье», также название одного из божеств (*āditya*), др.-перс. *baga* «бог».

саами *oarbes*, *orghes* «сирота», венг. *árva* «сирота» – др.-инд. *ár̥bhas* «малый», «юный», «слабый».

мордов. *veřges*, *ууřgaš*, «волк» – др.-инд. *vīkas* «волк».

удмурт, *zarež*, манси *saris*, ханты *sares*, *sarəs*, *tārəs* «море» – др.-инд. *jrayas* «(широко) раскинувшееся пространство, поверхность», авест. *zrauyō* «море».

мари *pundaš* «низ», *pundos* «пень» – арийское *bundhas*, др.-инд. *budhnas* «низ», авест. *buna-*, гр. *πύνδαζ* «низ», «дно».

Во всех этих примерах угро-финские языки отражают арийскую или протоиндийскую (но не иранскую!) форму именительного падежа основ на *-a-*, т. е. *-as-*. Конечный *-s* не мог быть наращением на угро-финской почве, так как в других случаях мы такого наращения не находим. Поучительно в этом отношении сравнить морд. *ravas* «бог», с морд. *sava* «козел», «коза». Если *ravas* отражает непосредственно арийское *bhāgas*, то *sáva* приходится сопоставлять не с др.-инд. *chāgas* «козел», *chāgā* «коза», а с иран. **sāgah*, **sāgā*, ср. осет. *sāy* «коза».

Сюда можно присоединить ряд случаев, когда угро-финские слова отражают арийский или протоиндийский *s* не в исходе, а в *Anlaut'e* или *Inlaut'e*:

морд. *sazog* «младшая сестра», мари *šōžar* «младшая сестра», удм. *suzer id.* – др.-инд. *svasar*, но иран. *ænvahar* – «сестра».

коми, удм. *sug* «пиво», венг. *sōg*, манси *sog*, ханты *sag*, «пиво» – др.-инд. *surā-*, но авест. *hurā-* – название напитка.

морд. *azog* «господин», коми *ozyg* «богатый» – др.-инд. *asura-* «божество», «демон», но авест. *ahura-*.

морд. *sed'* «настил», коми *sod* «лестница», «ступенька» – др.-инд. *sētu-* «мост», но иран. *haitu- id.*

коми, удм. *śurs*, ханты (диал.) *šōgəs* «тысяча» – др. инд. *sahasra-* «тысяча», но иран. *hazahra- id.*

Эти слова и другие примеры, где угро-финские слова отражают арийские формы с *s* и противостоят иранским с *h*, не оставляют сомнения, что угро-финские языки имели культурные контакты не только с иранскими языками, но еще с общеарийским и, возможно, протоиндийским⁴.

К сожалению, отличить общеарийские формы от протоиндийских не так легко. Все же нельзя не отметить, что, скажем, финское *oga* «колючка», «шип», венг. *ár* «шило» безупречно отвечают др.-инд. *aga-* «шило»⁵, тогда как на иранской почве никаких соответствий не видно; что морд. *sed'* «настил» и коми *mež* «баран», мари *miž*, *mež* «шерсть» стоят по огласовке ближе к др.-инд. *sētu-* «мост» и *meša-* «баран», «овца», «овечья шкура», чем к общеарийским *saitu-* и *maiša-*; что морд. *gišme*, *gišma*, «цепь», саамское *gäšme* «веревка» находят точное соответствие с др.-инд. *gaśmi-* «веревка», тогда как на иранской почве надежных параллелей не видно. Что мансийское *tas* «чужой» по форме отвечает др.-инд. *dāsa-*, а не иранскому *dāha-*, а по семантике может сопоставляться только с ведийским *dāsa-* «варвар», «разбойник», «демон», и, поскольку в нем скрывается название одного из скифских племен, оно никак не может восходить к общеарийскому периоду.

Все это делает в высшей степени вероятным, что разделение арийцев на две ветви, индоарийскую и иранскую, намечилось еще на их прародине в Юго-Восточной Европе. Такое предположение полностью подтверждается арийскими языковыми остатками в Передней Азии середины II тыс. до н. э., носящими явственный отпечаток именно протоиндийской (а не общеарийской или иранской) речи (см. ниже). Эти языковые остатки получают естественное объяснение, как след, оставленный протоиндийцами на пути их миграции из Восточной Европы в Индию через (Кавказ и) Переднюю Азию.

Когда протоиндийские племена покинули Юго-Восточную Европу и, после продолжительных странствий, обосновались на своей новой родине, Индии, оставшиеся в Европе иранские племена продолжали контактировать с угро-финнами. Эти контакты оставили след в заимствовании из иранского в угро-финские языки таких важных культурных терминов, как название золота (коми, удмурт. *zāŋi*, морд. *siŋe*, венг. *arany* и пр. из иран. *zaganya-*, ср. осет. *zāŋin* «золото»), название железа, ножа (коми, удмурт. *kort* «железо», ханты *kārt* «железо», «металл»). Из иранского идут и такие слова, как фин. *ogas*, морд. *uŋōš*, *uŋozi* «боров» (иран. *varāza-* «кабан», осет. *Wāraz* собств. имя), фин. *myrkky*, венг. *mégég* «яд» (осет. *mag* «яд», иран. *marka-* «смерть»), фин. *sarvi*, венг. *szarv* «рог» (ср. авест. *srvā-* «рог»).

В ряде случаев индоиранское происхождение угро-финских слов не вызывает сомнений, но для того, чтобы решить откуда именно заимствовано данное слово, из общеарийского, протоиндийского, общеиранского, скифского, сарматского или аланского – нет вполне надежных критериев.

Фин. *arvo* «цена», «ценность», ср. др.-инд. *argha-*, осет. *arŋ id*.

Мари *magi* «человек», «мариец», – ср. др.-инд. *magya-* «молодой человек», «молодец», пехлевийское *mērak* «парень».

Фин. *onki* «удочка», мари *oŋgo* «крюк», коми (диал.) *vigir* «удочка»⁶, ср. др.-инд. *aŋka-* «крюк», осет. *āngur* «удочка».

Манси *gaasen* «веревка», – ср. др.-инд. *gaśanā* «веревка», перс. *gasan id*.

Фин. *jyvä* «зерно», морд. *juv* «мякина», – ср. др.-инд. *yava-*, авест. *yava-* «зерно», «ячмень», осет. *jāv* «просо»⁷.

Коми *mort*, удмурт. *murt* «человек», морд. *mirde*, *mōrde* «человек», фин. *maaras*, *martaa* «мертвый», – ср. др.-инд. *mṛta-* «мертвый», др.-перс. *martiya* «человек» («смертный»), перс. *mard* «человек», осет. *mard* «мертвый».

Фин. *vasa*, морд. *vaz* «теленоч», – ср. др.-инд. *vatsa-*, осет. *wæss* «теленоч».

Фин. *varsa* «жеребенок», ср. др.-инд. *vṛsan-* «самец», осет. *wyrs* «жеребец».

Коми *vōrk* «почка» (анатом.), ср. пракрит. *vṛkka*, ос. *wyrg* «почка».

По-видимому, в разное время и из разных источников усваивались в угро-финские языки индоиранские числительные:

«семь»: манси *säät*, венг. *het*, ср. др.-инд. *sapta*, др.-иран. *hafta*. «7».

«десять»: коми *das*, удм. *das*, ср. др.-инд. *daśa*, авест. *dasa*, осет. *däs* «10».

«сто»: фин. *sata*, манси *saat*, ханты *sat*, венг. *azaz*, морд. *sado*, – ср. др.-инд. *śata-*, авест. *sata-*, осет. *sädä* «100».

«тысяча»: коми, удмурт, *šurs*, манси *sooter*, ханты (диал.) *šōrēs*, ср. др.-инд. *sahasra* (венг. *ezër* «1000» сближается с осетинским *ärzä* (устарелое) «1000»).

II. В цепи свидетельств в пользу восточноевропейской прародины индоиранских племен занимает свое место и название Волги у Птолемея: ῥῶ. Оно сопоставляется с ведийским *Rasā*, авест. *Raīhā* «название мифической реки». Значение «мифическая река» говорит о том, что ведийские и авестийские племена в период создания Ригведы и Авесты жили уже далеко от Волги и хранили о ней лишь смутное воспоминание.

III. Приведенный выше материал позволяет выдвинуть тезис: во всяких суждениях и гипотезах о древнейших миграциях индоиранских народов надо отправляться от Юго-Восточной Европы как исходной территории.

Самым ранним указанием на такую миграцию являются протоиндийские языковые свидетельства из Передней Азии, относящиеся к середине II тыс. до н. э. Это, во-первых, упоминание протоиндийских богов Митры, Варуны, Индры и (двух) Насатпа в договоре хеттского царя Шуппилулиумы I с царем Митанни Куртивазой XIV в. до н. э. Во-вторых, термины конноспортивной тренировки в хеттском тексте XIV века, известном под названием «текст Киккули»:

aika-wartanna	«один оборот»
t(e)ra-wartanna	«три оборота»
panza-wartanna	«пять оборотов»
ṣatta-wartanna	«семь оборотов»
nawartanna (из nawa-wartanna)	«девять оборотов»

В первой части этих терминов распознаются числительные *aika* «1» (др.-инд. *eka*), *tri* «3», *panca* «5», *sapta* «7», *nava* «9». Вторая часть *wartanna* сопоставима с др. индийским *wartana*- «вращение»⁸.

Вокруг арийских вкраплений в переднеазиатские тексты II тыс. до н. э. выросла обширная литература⁹. Идет спор о языковой принадлежности этих элементов, следует ли считать их иранскими, индоарийскими или общеарийскими, т. е. отражающими языковое состояние арийской общности до ее разделения на иранскую и индийскую ветви. Все три точки зрения нашли своих апологетов.

Возможность иранской интерпретации, с нашей точки зрения, отпадает сразу и бесповоротно. Числительное «семь» *ṣatta* может передавать арийское или индийское *sapta*, но не иранское *hapta*. Имя богов-близнецов в иранском звучало бы *Nāhatya*, а не *Nāsatya* (см. выше). К тому же бог Варуна неизвестен на иранской почве, а боги Индра и Насатиа (*Nāhatya*)

упоминаются только в позднем авестийском тексте (Vidēvdāt 10.9 и 19.43) и то не в качестве богов, а в качестве демонов. Совершенно произвольно допущение какой-то другой неизвестной нам иранской среды, в которой арийский *s* не перешел в *h*, а боги Варуна, Индра и Насатиа были чтимыми богами. Это все равно как если бы зоолог предположил *ad hoc* существование в прошлом такого копытного животного, у которого не было копыт¹⁰.

Говоря «иранский» мы должны твердо держаться тех признаков, которые дает доступный иранский материал. В противном случае мы переходим в область ничем не лимитированных спекуляций и фантазий.

Итак, для языковой идентификации приведенных выше арийских вкраплений в переднеазиатские тексты остаются две возможности: либо они отражают общеарийский язык до его распада на иранскую и индийскую ветви, либо они являются протоиндийскими, т. е. примыкают к ведийскому и санскриту.

Следующие соображения говорят против протоарийской интерпретации.

1. Ни в середине, ни в начале II тыс. до н. э. ни о какой арийской общности уже говорить не приходится. Ко 2-й половине этого тысячелетия не только иранская группа полностью обособилась, но внутри этой группы имели место дальнейшие глубокие дивергенции, в частности, скифские наречия вели уже самостоятельное существование и имели сепаратные контакты с языками европейского круга¹¹. Ясно, что арийский период, т. е. период до распада арийской общности, надо отодвинуть на ряд столетий вглубь и относить к III тыс. до н. э.

2. Числительное *aika* «один» из текста Киккули примыкает к древнеиндийскому *eka*. Не имея соответствий ни в иранском, ни в других индоевропейских языках, оно стоит изолированно и должно рассматриваться как специфическая индийская форма. Для возведения ее к общеарийскому нет оснований.

3. Нет также уверенности в общеарийском характере божеств Варуны, Индры и (близнецов) Насатиа. С другой стороны в Ригведе они относятся к наиболее популярным и чтимым богам, и вся группа (Митра, Варуна, Индра, Насатиа) кажется буквально выхваченной из Ригведы.

Таким образом, все это говорит за то, что арийцы, оставившие свой след в тексте договора между хеттским и митаннийским царями и в хеттском коннотренировочном тексте Киккули, были протоиндийцами, ближайшими родичами создателей Ригведы. Они выделились из арийской общности еще на своей прародине в Юго-Восточной Европе, о чем свидетельствует их сепаратный вклад в лексику угро-финских языков (см. выше)¹².

Как ни скудны рассмотренные арийские языковые остатки в Передней Азии, их значение для истории индоиранских народов огромно. Они представляют бесспорный след первой великой арийской миграции, а именно миграции протоиндийцев из Юго-Восточной Европы через Переднюю Азию. Думать, что Индия была заселена арийцами в результате не этой, а какой-то другой, более ранней или поздней миграции, нет никаких оснований. Эта предполагаемая вторая миграция не оставила никаких следов и свидетельств и, стало быть, оперировать ею в научном плане совершенно не приходится.

Дата составления тех переднеазиатских текстов, в которых найдены протоиндийские вкрапления, т. е. середина II тыс. до н.э., может служить опорой и для датировки миграции: она должна была иметь место не слишком задолго до упомянутых текстов, в пределах первой половины II тыс. до н. э. Какая-то часть протоиндийцев осела, надо полагать, в Передней Азии и играла какую-то роль в организации государства хурритов, Митанни. Остальные продолжали свой путь, пока не достигли благословенной Индии.

IV. Оставшаяся на территории прародины иранская общность была в диалектном отношении неоднородной уже во второй половине II тыс. до н. э. Занимавшая в это время западную часть ареала киммеро-скифская группа имела сепаратные контакты с европейскими языками, оставившие свой след в осетинском, сакском, афганском и припамирских языках, преимущественно связанных с этой группой¹³. Обособились и другие ветви ираноязычного мира, в частности, те племена, которые со временем вошли в историю под названием индийцев и персов. Где-то на рубеже II и I тыс. до н. э. они двинулись через Кавказ в Переднюю Азию и постепенно заняли территорию между Каспийским морем и Персидским заливом. После протоиндийской миграции, о которой мы выше говорили, протомидоперсидская миграция из Юго-Восточной Европы в Переднюю Азию была важнейшей по своим последствиям арийской миграцией. Она положила начало образованию двух мощных держав, Мидии и Персии, роль которых в судьбах древнего мира хорошо известна. Имевшие место в последующие столетия вторжения киммерийцев и скифов имели характер разбойничьих набегов и не повлияли существенным образом на политическую и культурную историю Передней Азии.

Дата – конец II и начало I тыс. до н. э. – для появления иранцев в Передней Азии может считаться надежной. Именно в IX в. до н. э. мидийцы и персы впервые упоминаются в ассирийских хрониках¹⁴.

Что касается направления и путей продвижения мидийцев и персов, то здесь нам кажутся заслуживающими внимания изыскания Э. А. Гран-

товского, который приходит к выводу, что движение шло с запада, от района озера Урмия на восток, а не с востока на запад, как часто, но без серьезного основания принималось прежде¹⁵. «Данные ономастики определенно свидетельствуют о продвижении ираноязычного населения в западный Иран с севера и северо-запада, т. е. через Кавказ, а не с востока, из Средней Азии»¹⁶.

Следует сказать два слова о миграции протопарфян. Нет сомнения, что они также продвинулись в историческую Парфию с севера. Память об этом, видимо, хранилась и в их преданиях, так как ряд античных авторов в один голос утверждает, что парфяне пришли из Скифии (Курций Руф IV, 12, 11; VI, 2, 12; Юстин XLI, 1, 1; Схолии к Лукану I, 553; Евстафий у Дионисия Периегста 304). Язык парфянский характеризуется как средний между скифским и мидийским, как бы смешанный из них (Юстин LXI, 2, 3). Если еще в античное время так настойчиво утверждалось «скифское» происхождение парфян, то не говорит ли это о том, что протопарфянская миграция имела место не слишком задолго до античной эпохи и во всяком случае позднее мидоперсидской?

Различия между иранскими наречиями в начале I тыс. до н. э. были еще, надо полагать, не очень значительными. Поэтому выделить в дошедшем до нас от того времени ономастическом материале специфически парфянское не представляется возможным. Поэтому трудно сказать что-либо определенное о маршруте продвижения парфян из «Скифии» на юг. Однако общая географическая ситуация подсказывает, что, в отличие от протомидийцев и протоперсов, протопарфяне шли не через Кавказ, а через Приаралье, обойдя с востока Каспийское море.

Остаются два крупных иранских племени, которые история застаёт в Передней Азии: курды и белуджи. Их появление здесь следует связать с древней мидоперсидской миграцией.

С начала I тыс. до н. э. иранский мир был представлен двумя обширными ареалами: северным – от нижнего Дуная и Прута до Приаралья, и южным, переднеазиатским, – от Аракса и Урмии до нынешней Туркмении. В первую общность входили будущие киммерийцы, скифо-сарматы, хорезмийцы, согдийцы, «авестийцы», бактрийцы. Во вторую – будущие мидийцы, персы, курды, белуджи. Промежуточное положение занимали парфяне³⁹. Между этими двумя группами еще на почве общей прародины наметились, можно полагать, некоторые языковые расхождения, которые со временем углублялись в результате полной территориальной разобщенности.

В фонетике для северной группы характерны весьма ранние случаи озвончения глухих согласных внутри слова. Так, название страны и наро-

да *Suyda* «Согд» неотделимо от древнеиранского *suxta-* «чистый», «священный», ср. осет. *suɣdæg|suɣdæg* «чистый», «святой», но группа глухих *-xt-* заменена звонкими *-ɣd-*. Это озвончение произошло не позднее VI в. до н. э., так как уже в древнеперсидских надписях Согдиана зовется *Suguda*.

Озвончение *k→g* приходится допускать также в этнонимах геродотовской Скифии *Μασσαγε ται*, *Θυσσαγετια*, так как элемент *σαυ* в этих названиях трудно отделить от названия скифов *Saka*.

Другой фонетической особенностью североиранского ареала был также весьма ранний переход звонких смычных во фрикативы: *b→v*, *d→ð*, *g→ɣ*¹⁸. Эти процессы наблюдаются и в языках южной группы, но там они развиваются значительно позднее и не имеют всеобщего распространения.

Для большинства северных языков было характерно, наконец, «цоканье», т. е. переход арийских палатальных аффрикат в зубные: *č→c*, *j→ʒ*.

Как мы уже говорили, диалектные различия и территориальное размежевание внутри североиранской группы определились уже к концу II тыс. до н. э. К этому времени протобактрийцы и протосогды продвинулись в Среднюю Азию. Киммеро-скифо-сарматские племена, ведущие кочевой и полукочевой образ жизни, отличались большой подвижностью. Они совершали глубокие рейды в сторону Кавказа, Передней и Малой Азии, а также в Среднюю Азию и обратно. Одно из этих обратных движений из Средней Азии в Европу в VII или в VIII в. до н. э. было в исторической традиции, идущей от Геродота, ошибочно истолковано как первое появление скифского и вообще иранского элемента в Европе. Осетино-европейские изоглоссы, восходящие ко II тыс. до н. э., опровергают такую точку зрения¹⁹.

Любопытные сепаратные лексические связи с европейскими языками распознаются также в иранских языках сакоафгано-припамирской группы²⁰. Близость сакского к скифскому не вызывает никаких сомнений. Протосаки – это одно из скифских племен, отколовшееся от своих европейских братьев и проникшее (вместе с прототохарами?) глубоко в Среднюю Азию. Когда это могло произойти? По чисто языковым показаниям – не позднее V в. до н. э., и вероятно, значительно раньше. В языке европейских скифов со времен Геродота, т. е. V в. до н. э., свидетельствуется одно фонетическое явление: плавный *r* перед гласным *i* переходит в *l* (в нарушение общеиранского ротацизма): *Λιτοξαις* «имя одного из легендарных скифских родоначальников», из *Piraxšaya* «владыка земли»; ср. ведийское *gīr-*, *gūr-* «земля» и иранское *xšaya-* «властвовать». Ср. также

имена скифских царей Σαυλιος, Σκυλης. Сакский язык остался чужд переходу г в 1 перед і и, стало быть, должен был отделиться от основного скифского массива задолго до V в. до н. э.

Афганский и припамирские языки выявляют некоторые черты, преемственно связывающие их с сакским. Но ни один из них не может считаться его прямым потомком. Их надо рассматривать скорее как результат смешения протосакского с другими уже бытовавшими в Средней Азии иранскими наречиями, бактрийским и другими. Какое-то участие в их формировании могли принимать и неиранские языки, типа вершикского.

Приблизительная хронологическая канва древнейших судеб индоиранских племен выглядит следующим образом.

III тыс. до н. э., 2-я пол. Индоевропейская общность стала на путь распада и территориального разобщения. Протогреки, протохетты и протоармяне отошли на юг, на Балканский полуостров и в Малую Азию. Оставшиеся на территории прародины индоевропейцы образуют две большие общности: средневропейскую, в составе будущих славян, балтов, «тохаров», германцев, кельтов, италиков, и арийскую в Юго-Восточной Европе. Арийская общность имеет продолжительные контакты с угрофинским миром.

II тыс. до н. э., 1-я пол. Арийская общность распадается на две ветви, протоиранскую и протоиндийскую. Последняя покидает территорию Европы и через Переднюю Азию проходит в Индию. Протоиндийские элементы в аккадских и хеттских текстах середины II тыс. до н. э. следует рассматривать как следы этой миграции.

Конец II тыс. до н. э. – начало I тыс. до н. э. Иранская общность распадается на две группы: киммеро-скифскую, включающую также прото-согдийцев, протобактрийцев и некоторые другие племена, и протомидо-персидскую. Последняя проходит через Кавказ на юг и занимает иранское плато. Возникают два больших ираноязычных ареала, северный в Юго-Восточной Европе и прилегающих областях Средней Азии, и южный, между Каспийским морем и Персидским заливом.

I тыс. до н. э., 1-я пол. Часть скифов в составе крупного племенного объединения протосаков отрывается от основного скифского массива и уходит далеко на восток, до рубежей Китая. Одновременно или раньше обосновываются в Средней Азии также бактрийцы, согдийцы и некоторые другие племена, принадлежащие к той же северной группе ираноязычных народов.

VIII–VII вв. до н. э. Часть скифских племен, ранее ушедшая из Юго-Восточной Европы в Среднюю Азию, продвигается в обратном направле-

нии и теснит своих сородичей киммерийцев. Это возвращение скифов на свою прародину ошибочно принимается в исторической традиции за первое появление скифского и вообще иранского элемента в Европе.

Нет надобности подчеркивать, что древнейшие судьбы арийских племен – это такая область, где точные датировки невозможны. Многое приходится строить на гипотезах. Гипотезы в данном случае законны, если они внутренне не противоречивы и, кроме того, экономны, т. е. не включают никаких избыточных элементов, не диктуемых ни доступными фактическими данными, ни логикой всего построения. Мы стремились держаться в рамках именно таких – непротиворечивых и экономных гипотез.

Как мы отметили вначале, желательна проверка с археологической стороны. Однако надо быть заранее готовым к тому, что полного совпадения между лингвистическими и археологическими данными не будет. В этом отношении мы разделяем точку зрения хеттолога Х. Кронассера, который предостерегает против «широко распространенного заблуждения, будто каждый языковый пласт должен иметь свое археологическое соответствие»²¹.

БИБЛИОГРАФИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ W. TOMASCHEK. Ethnologisch-linguistische Forschungen über den Osten Europas. Das Ausland, 1883; B. MUNKASCI. Arja es kaukazusi elemek a finn-magyar nyelvekben, I. Budapest, 1901; H. JACOBSON. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922; G. BARCZI. Magyar szofejtő szotar. Budapest, 1941; B. COLLINDER. Fenno-Ugric Vocabulary. Stokholm, 1955, pp. 129–141; Y. TOIVONEN, E. ITKONEN, A. JOKI. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I (1955), II (1958), III (1962), IV (1969), Helsinki (в дальнейшем сокращенно: SKES).

² H. JACOBSON. Arier und Ugrofinnen, p. 171.

³ В дошедших до нас древнеиранских памятниках мы уже не находим в именительном падеже основ на *-a-* ожидаемого окончания *-ah*; в авестийском вместо *-ah* имеем *-ō*; в древнеперсидском – *-a* (*h* здесь утрачивался).

⁴ Ни на чем не основаны догадки тех, кто считает, что приведенные выше угрофинские слова могли быть усвоены из иранского еще в тот древнейший период, когда и в иранском *s* не перешел еще в *h*. Этот переход – важнейший отличительный признак иранских языков, и утверждение, что в каких-то иранских языках он еще не совершился, равносильно утверждению, что они еще не обособились как отдельная иранская ветвь, а представляли лишь говоры внутри арийской общности. Переход *s*→*h* был и остается для иранского (как и для греческого) вполне надежным опознавательным признаком.

⁵ SKES, II, С. 436.

⁶ SKES, II, 131–2.

⁷ По SKES, I, 129 заимствовано еще из общеиндоевропейского «уево».

⁸ Для разъяснения этих терминов некоторые исследователи привлекали также осетинское выражение *bäx äwwärdyn* «готовить лошадь к скачкам», полагая, что *äwwärdyn* по значению соответствует *vartana* и что, стало быть, арийские иппологические термины из текста Киккули тяготеют к иранскому, а не к индийскому (BAILEY. Rocznik Orientalistyczny 21, 1967, p. 64; MAYRHOFER. Deutsche Literaturzeitung, 79, 1968, S. 754; MAYRHOFER, «Die Sprache», 5, 1959, S. 86). Такая интерпретация слава *äwwärdyn* является недоуменем; *äwwärdyn* означает «растирать, массировать», но никак не «бежать по кругу». Массаж был необходимым элементом тренировки лошадей к скачкам, и *äwwärdyn* употребляется осетинами именно в этом своем точном значении.

⁹ Майрхофер в своем последнем труде, содержащем аннотированную библиографию (см. ниже) приводит свыше 700 названий! Укажем только некоторые работы: STEN KONOW. The Aryan Gods of the Mitani People (Royal Frederik University, Publications of the Indian Institute), I, 1, 1921; Kristiania. P. KRETSCHMER. Статьи в «Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft (KZ)» 55 1928, в «Anzeiger d. Akademie d. Wissenschaften in Wien», 1943, Nr. VII–X; G. DUMÉZIL, Naissance d'Archanges. Paris, 1945, pp. № 15–55; M. MAYRHOFER. Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien. «Die Sprache» 5, 1959, SS. 77–95; W. EILERS, M. MAYRHOFER. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? «Die Sprache» 6, 1960, SS. 107–134; P. THIEME. The Aryan Gods of the Mitanni Treaties. «Journal of the American Oriental Society»; 80, Oct.–Dec. 1960, pp. 301–817; ANELIES KAMMENHUBER. Hippologia hethitica. Wiesbaden, 1961; R. HAUSCHILD. Über die frühesten Arier im Alten Orient. Berlin, 1962; M. MAYRHOFER. Die Indo-Arier im alten Vorderasien, Wiesbaden, 1966; A. KAMMENHUBER. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.

¹⁰ Предположение, что бог Варуна существовал у иранцев, но был переименован в Ахурамазду, относится к тем висящим в воздухе домыслам, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Могут сказать, что исчезновение бога Варуны и низведение Индры и Насатии на уровень демонов произошло под влиянием зороастризма. Но ведь скифский пантеон, чуждый зороастризму, не содержит даже намека на Варуну, Индру и Насатиа.

¹¹ В. И. АБАЕВ. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, passim, особен но С. 129–131.

¹² У И. М. Дьяконова в его упомянутой статье об арийцах на Ближнем Востоке, стр. 42, находим совершенно неожиданное утверждение: «Они там и вымерли и в Индию попасть не могли». – Откуда это видно?

¹³ В. И. АБАЕВ. Ук. соч., passim.

¹⁴ Археологическое обоснование этой даты см. Roman GHIRSHMAN. Perse, Paris, 1963: «...культура Сиалка в Мидии приходится на конец II и начало I тыс. до н. э., когда арийские племена появляются на плато, которому они дали свое имя» (стр. XIII); «в искусстве Сиалка мы сможем распознать зародыш того, чем станет искусство персов и мидийцев, стало быть, того, что должно было находиться в багаже арийских племен, незадолго до этого обосновавшихся на плато» (стр. XIV); «принадлежность некрополя в

Сиалка иранским племенам, которые обосновались на плато на подступах к I тыс. до н.э., не оспаривается» (С. 277).

¹⁵ Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. Иранские имена из Приурмийского района в IX–VIII вв. до н. э. «Древний мир». Сборник статей. М., «Наука», 1962, С. 250–265. ЕГО ЖЕ. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.

¹⁶ Э. А. ГРАНТОВСКИЙ. Иранские имена... С. 203.

¹⁷ Великий сын Хорезма Бируни (X в. н. э.), чей авторитет во всем, что касается истории его родины, стоит весьма высоко, утверждает, что хорезмийцы ведут свое происхождение от персов. Если это так, то приходится признать, что в их языке ареальные североиранские связи оказались сильнее. Если сравнить синхронные персидские и хорезмийские тексты, бросаются в глаза большие различия на всех уровнях: в фонетике, морфологии, лексике. Вместе с тем налицо черты близости к языкам северного ареала, протоосетинскому и согдийскому.

¹⁸ О переходе g→γ см. В. И. АБАЕВ. Ук. соч., С. 41–52.

¹⁹ В. И. АБАЕВ. Ук. соч.

²⁰ Там же. С. 12–44, 139–140,

²¹ «Orientalistische Literaturzeitung». 1963, 58, №. 9–10. S. 449.